

Институт археологии
Российской академии наук

ISSN 2686-6900

архитектурная археология

architectural archeology

№ 1

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Вл. В. СЕДОВ

2019

МОСКВА

Надписи-граффити церкви Благовещения на Городище: предварительный обзор

А. А. Гиппиус, С. М. Михеев

● при раскопках новгородского Городища найдено около 150 древних надписей-граффити на фрагментах фресковой штукатурки церкви Благовещения 1103 г. Большинство из них было извлечено из земли экспедицией Вл. В. Седова в июле–августе 2017 г.¹ Данная статья содержит предварительную публикацию 33 наиболее интересных надписей из этого комплекса, среди которых центральное место занимают самая длинная древнерусская надпись-граффито домонгольского времени, сообщающая о смерти в 1138 г. князя Всеволода-Гавриила Мстиславича (№ 1), и крупнейшая из древнерусских глаголических надписей, имеющая молитвенное содержание (№ 30).

Церковь Благовещения была окончательно разрушена перед закладкой в 1342 г. на ее месте нового каменного храма. Между тем среди граффити на фресках церкви 1103 г. нет надписей с признаками, которые позволили бы однозначно датировать эти тексты XIII или первой половиной XIV в. Все изученные нами надписи сделаны не позднее начала XIII в. Чем объясняется отсутствие надписей зрелого XIII и первой половины XIV в. на фресках церкви Благовещения, археологам еще предстоит определить².

¹ Подробнее см. статью Вл. В. Седова на с. 10–34.

² Единственная надпись, определенно датированная XIII в., встретилась на цемяночной обмазке лестничной башни храма из раскопок М. К. Каргера (Каргер М. К. Отчет Архитектурно-археологической экспедиции ЛОИА АН СССР и ЛГУ о раскопках руин ц. Благовещения на Го-

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2686-6900.1.35-54>

Аннотация: Первая публикация 33 надписей-граффити из раскопок церкви Благовещения на Городище 1103 г. Комплекс включает величественную надпись 1138 г. о смерти Всеволода Мстиславича, подтверждающую раннюю дату строительства псковского Троицкого собора, где этот князь был похоронен; записи о кончинах княгинь и местных священников; учетные записи о покупке вина и ладана для церковных нужд; оригинальное церковное песнопение, посвященное празднику Преполовения Пятидесятницы; глаголическую азбуку с кириллической буквой *ѣ* — «гервь», подтверждающую древность этой буквы; глаголическую надпись-молитву, текстологически связанную с молитвой, завершающей «Поучение» Владимира Мономаха.

Ключевые слова: эпиграфика, граффити, Новгород, Городище, церковь Благовещения, XII век, Всеволод-Гавриил Мстиславич, Владимир Мономах, кириллица, глаголица.

Гиппиус Алексей Алексеевич, член-корреспондент Российской академии наук, доктор филологических наук, Институт славяноведения Российской академии наук, главный научный сотрудник. 119334, Россия, Москва, Ленинский проспект, 32а. E-mail: agippius@mail.ru

Михеев Савва Михайлович, кандидат исторических наук, Институт славяноведения Российской академии наук, старший научный сотрудник. 119334, Россия, Москва, Ленинский проспект, 32а. E-mail: mikheev@gmail.com

Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-04-00331 «Лингвистическое исследование и подготовка публикации берестяных грамот и надписей-граффити из раскопок 2012–2015 гг.»

вълѣ^т · s · х · мѣмса^ццаф[ев]раравъ · гї · пр[ѣ]ста[в] - са -- а[г] - вѣ -- н -----
всєволодъ вѣстѣмькр[ъ] щенигавр[и] лорабъх[рис] -- вѣ -- а! -----
мѣстиславльигод[и] -- [с]абашеумубы[т] иплъско[вѣ]тъ --- т-[у же] - [пр]ѣ[ста] -- саитаи
ш[а] - з-дѣиаб[р]атъегос^т -- ълкѣтуж[е] башеим[н]о-ор[ы]д-ниаипл[а]цасъ[тв]-риша
5 на-[ън]и[мь] друж[и] - асв--ипогре[б] --- ивѣстѣ[ѣ]ит --- цеюжебашесамъсздалъ
дру[жи]н[аже]егоп-[г]-[еб]-[ш]еѣира-----[а] -- окъ[ж] - до'акыноутапастуха
не[имо] - щеизнылоб[а] шесрдцеих[ъ] ту[г] - ю[п]о-воемьк-аз[и]
ипокоиГдшур--асвое[г]оѣс[ъп]ъша
гогаври[л]а-наза
[п]-аво[вѣ]рь
на

10

• Надпись № 1, текст без конъектур

Основной массив граффити происходит с почти полностью сохранившейся штукатурки южной стены жертвенника — южной части апсиды и поверхности межапсидной стенки. В конце летнего сезона 2017 г. эти фрагменты были переданы в Центр реставрации монументальной живописи Новгородского музея (зав. Т. И. Анисимова), где они постепенно подбираются и соединяются в единое полотно¹.

Большинство надписей жертвенника было выполнено на высоте, удобной для письма, и доходило только до нижней части полосы ступенчатого (городчатого) орнамента². Лишь крупные надписи № 1 и № 30 сделаны выше – на разгранке между орнаментом и ростовыми фресковыми изображениями. Для выполнения этих двух граффити писавшие должны были подниматься на какие-то возвышения.

11-строчная надпись № 1, 72,5 см в длину, занимает почти всю полосу разгранки на северной стороне межапсидной стенки. При разрушении церкви надпись распалась на множество кусков. К июлю 2018 г. было выявлено более 200 больших и малых ее фрагментов, которые удалось собрать воедино (ил. 1–3)³. Самые крупные

утраты приходятся на правый верхний угол надписи и на середину шестой строки.

Полностью или частично видные буквы надписи показаны выше⁴ (см. надпись № 1).

Последние четыре строки записаны в виде воронки, выровненной по центру межапсидной стенки. Слева и снизу текст ограничен рамкой, образующей внизу у воронки ступенчатый орнамент, подобный находящемуся чуть ниже орнаменту на фресках.

По меньшей мере дважды в тексте, в правой части второй и шестой строк, встречается разделительный знак в виде креста с наклоненными вниз боковыми лопастями (мы передаем данный знак условно — при помощи символа †).

Границы первой фразы надписи хорошо ясны, однако лакуны на концах первых двух строк не позволяют реконструировать ее полностью. В первой лакуне, по всей вероятности, читалось слово *и нязъ*, однако здесь могло поместиться и еще какое-то слово, возможно записанное сокращенно или с использованием пространства над или под строкой. В самом конце второй строки по смыслу уверенно восстанавливается слово *сынъ*, но предшествующий отрезок пока не поддается реконструкции: *въ лѣ^т · s · х · мѣ мса^цца ф[ев]рара въ · гї · пр[ѣ]*

родище в Новгороде в 1966 году // Институт археологии РАН (Москва). Научный архив. № Р-1, 3609. Л. 9, рис. 8, 10).

¹ Подробнее см. статью Т. И. Анисимовой на с. 201–206. Мы признательны реставратору Алёне Трудниковой, специально занимавшейся подборкой фрагментов с надписями.

² О данном орнаменте см. публикацию О. Е. Этингоф на с. 207–222.

³ Все фотографии выполнены авторами статьи в 2017–2018 г.

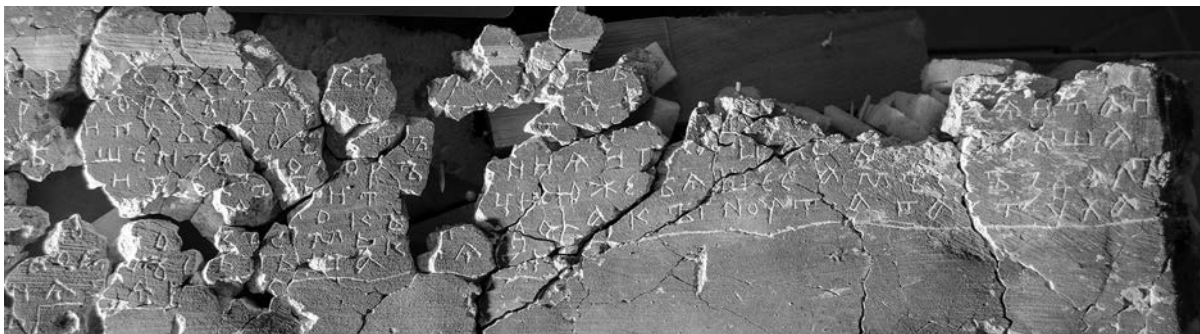
⁴ Здесь и далее условные обозначения:
 [] частично сохранившиеся буквы, которые восстанавливаются неоднозначно;
 () чистые конъектуры;
 - непрочитанная буква (количество дефисов соответствует вероятному количеству букв);
 ... неизвестное количество непрочитанных букв;
 <> нормализованная запись (только в комментариях к тексту).

• Ил. 1. Надпись № 1, общий вид

• Ил. 2. Надпись № 1, левая половина

• Ил. 3. Надпись № 1, правая половина

ста[в](и)сѧ (бл)а[г](о)вѣ(рѣ)н(ыи) (-----)
 (кнѧзь) | Всеволодъ а въ стѣмъ кр[ъ]щени
 Гавр[и]ло рабъ Х[рис](то)въ (-)--а | (--)-
 (-----) (сынъ) | Мъстиславль.

Следующая фраза начинается с грамматически уместной здесь формы плюсквамперфекта,

что позволяет восстановить и ее продолжение: *и год[и](ло)[с]ѧ блше ему бы[т]и Пльско[вѣ] тѣгда т(о)[у же] (и) [пр]ѣ[ста](ви)сѧ 'и случилось ему тогда быть во Пскове, там он и преставился'. После этого уверенно читается отрезок *и таи|ш[а] (·)з(·) дѣи а б[р]атъ его**

въ лѣѣ ·ꙗ·х·мѣ мсаѣца ф[ев]рара въ ·гї· пр[ѣ]ста[в](и)са (бл)а[г](о)вѣ(рь)н(ыи) (----) (кназь)
 Вьсєволодь а въ стѣмь крьщени Гавр[и]ло рабъ Х[рис]е(то)въ (-)а | (--)----(-----) (сынъ)
 Мьстиславль и год[и](ло)[с]а баше ему бы[т]и Пльско[вѣ] ть(гда) т(о)[у] же (и) [пр]ѣ[ста](ви)са и таиꙗ
 ш[а] (·)з(·) дни а б[р]атъ его С(ѡп)ълкъ ту ж[е] баше и м[н]о(го) р[ы]д(а)ниа и пл[а]ца съ[тв](о)риша
 на(д)[ъ] н[и]мь] друж[и](на) св(оа) и погре[б](оша) и въ Стѣ[ѣ]и Т(рои)це юже баше самъ създаць
 дру[жи]н[а] же его п(о)[г]р[е]б[ъ](ѣ)[ш]е ъ и ра(з)[идо](ш)[а](са к[ам]о къ[жъ]до | акты ноута пастуха
 не [нмо](у)ще и вчъло б[а]ше срдце их[ъ] ту[г](о)ю [п]о (с)воємь к(н)аза[и]
 и покои Гї дшу р(аб)а свое[г]о вс[ъ]п[ъ]шаꙗ
 го Гаври[л]а (к)наза
 [п]р[а]во[вѣ]рьꙗ
 на

• Надпись № 1, полный текст с наиболее вероятными конъектурами

С(ѡп)ълкъ ту ж[е] баше, то есть ‘и скрывали [его смерть] семь дней. А брат его Святополк был там же’. Далее хорошо сохранилась фраза *и м[н]о(го) р[ы]д(а)ниа и пл[а]ца съ[тв](о)риша | на(д)[ъ] н[и]мь] друж[и](на) св...* (вероятно, *друж[и](на) св(оа)*, где местоимение *свои* имеет значение ‘его’, отсутствующее в современном языке, но нормальное в древнерусском). Следующая фраза дошла до нас почти полностью: *и погре[б](оша) и въ Стѣ[ѣ]и Т(рои)це юже баше самъ създаць* ‘И похоронили его в Святой Троице, которую он сам построил’, то есть в псковском Троицком соборе.

Шестая строка надписи существенно повреждена. После слов *дру[жи]н[а] же* его относительно надежно реконструируется основа *погреб-* (вероятно, здесь стояло причастие *п(о)[г]р[е]б[ъ](ѣ)[ш]е*), затем читаются буквы *ѡра*, после чего утрачено около десяти букв, от некоторых из которых видны только кончики, дальше виден верх от буквы *а*, низ от *л* или *м*, затем *о*, а после него вполне надежно реконструируется слово *къждо* ‘каждый’ на выходе из лакуны. Нахождение буквы *ѡ* после *е* крайне необычно, но всё же находит прецедент в берестяной грамоте № 737 середины — второй половины XII в., где в словах *приими ѡ въ городѣ отдельный ѡ*, по-видимому, соответствует местоимению *и* (фонологически [jъ]). Характерно, что в грамоте такое употребление *ѡ* выступает на фоне в остальном стандартной графической системы. Можно думать, что то же значение *ѡ* имеет и в данном случае, где он мог быть употреблен в порядке графической «диссимиляции» со следующим *и*. Последнее естественно трактовать как сочинительный союз, соединяющий препозитивный причастный оборот со сказуемым, которое должно было начинаться на *ра-*.

С учетом букв, сохранившихся от продолжения фразы, для нее в целом можно предложить следующую реконструкцию, удовлетворительную в грамматическом и смысловом отношениях: *дру[жи]н[а] же* его п(о)[г]р[е]б[ъ](ѣ)[ш]е ѡ и ра(зидошася к[ам]о къ[жъ]до ‘а дружина его, похоронив его, разошлась кто куда’. Для выражения *камо къждо* ср. точную параллель в Житии Сергия Радонежского Епифания Премудрого: «Того ради утро рано изыдем от мѣста сего камо кождо потребных ради»¹.

Такой реконструкции полностью отвечает и продолжающий фразу сравнительный оборот *акы ноута пастуха | не [нмо](у)ще* ‘как скотина, лишенная пастуха’. С точностью до слова *нута*, лексического германизма, обозначающего крупный рогатый скот, сравнение воспроизводит евангельский троп — Мф. 9: 36: «Видѣвъ Іѣсъ народъ и мл(о)срдова о нихъ. ꙗко бѡахоу съматени. и отъвѣржени. ꙗкоже и овца не имоуще пастѣха»². В древнерусских литературных текстах этот оборот неоднократно встречается, характеризуя состояние общества, оставшегося без правителя. Так, Типографская летопись под 1382 г. следующим образом описывает положение дел в Москве, оставленной Дмитрием Ивановичем во время нашествия Тохтамыша: «Бывшоу же промежи ими неодиначеству и неимовѣрству, и то познавъ и разоумѣвъ великий князь Дмитрей Иоаннович, и бысть въ недооумѣнии и в размышле-

¹ Житие Сергия Радонежского, составленное в 1418 г. Епифанием Премудрым // Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1: Житие Сергия Радонежского. Рукописная традиция. Жизнь и чудеса. Тексты. М., 1998. С. 334.

² Мстиславово Евангелие, 32а₁₋₁₆.

нии, и поиде въ градъ свой Ярославль, такоже и на Кострому. А Кипреанъ митрополитъ видѣ въ градѣ Москвѣ мятежь великъ, и блху людие سموущени, яко овца, не имуща пасты[ря], возмятоша бо ся гражане, овии хотяхоу сѣсти въ градѣ и затворитися, а друзии бѣжати помышляхоу»¹.

Для следующей фразы кажется безальтернативной реконструкция *вныло б[л]ше срѣце их[з] ту[г](о)ю [п]о (с)воемъ к(н)аз[и]* со словом *туга* 'печаль, скорбь'. Над словом *срдце*, возможно, стояло титло, уничтоженное трещиной. Начало фразы явно восходит к Псалтыри (Пс. 60: 3): «Егда **оуны срдце мое на камень възнесе ма**»². Реконструкция середины фразы опирается на параллель со «Словом о полку Игореве», где в рамках одного предложения представлено управление глагола *уныти* творительным падежом и беспредложное *тугою*: «Уныша цвѣты жалобю, и дрѣво с[я] туюю къ земли прѣклонило»³.

Последнее предложение надписи, оформленное ступенчатой воронкой, восстанавливается абсолютно точно и полностью: *и покои ГИ душу р(аб)а свое[г]о вс[зп]гша[го] Гаври[л]а (к)наза | [п](р)аво[вѣ]р[н]а* 'И упокой, Господи, душу раба своего усопшего Гавриила, правоверного князя!'

Полный текст надписи с наиболее вероятными конъектурами представлен выше (см. с. 38).

Для удобства восприятия запишем его без скобок в стандартизованном виде, обозначив курсивом слова, полностью утраченные в оригинале:

«Въ лѣто 6645, мѣсяца февраля въ 13 прѣставися благовѣрнии [----] князь Всеволодъ, а въ святѣмъ крщении Гаврило, рабъ Христовъ ----- сынъ Мъстиславль. И годилося бяше ему быти Пльсковѣ тѣгда, ту же и прѣставися. И таиша 7 днии. А братъ его Святопглькъ ту же бяше. И много рыдания и плаца сътвориша надъ нимъ дружина своя. И погребоша и въ Святѣи Троице, юже бяше

самъ създаль. Дружина же его, погребѣше и, и ра[з]ыдошася (?) камо къждо, аки нута пастуха не имуще. И уныло бяше срдце ихъ туюю по своемъ князи.

И покой, Господи, душу раба своего, усьпѣшаго Гаврила, князя правовѣрна!»

Перевод: '13 февраля 6645 года преставился благоверный князь Всеволод, а в святом крещении [именем] Гаврило, раб Христов ... сын Мстиславов. И случилось ему тогда быть во Пскове, там он и преставился. И утаивали [его смерть] семь дней. А брат его Святополк был там же. И много рыдала и плакала над ним его дружина. И похоронили его в [церкви] Святой Троицы, которую он сам построил. А дружина его, похоронив его, разошлась кто куда, как скотина, лишившаяся пастуха. И сердце их было в унынии от кручины по своему князю.

И упокой, Господи, душу раба своего — усопшего Гавриила, правоверного князя!'

Надпись содержит важные сведения о времени смерти Всеволода Мстиславича и о его погребении.

Во-первых, окончательно решается вопрос о месте погребения. В летописях, восходящих к Киевскому своду 1198 г. (Ипатьевской летописи, летописях Новгородско-Софийской группы и др.), местом погребения Всеволода названа церковь Святой Троицы, «юже бѣ самъ създаль». Та же информация с некоторыми дополнениями попала в текст Псковской первой и второй летописей, почти дословно повторенный затем в Псковской третьей летописи, но с заменой места упокоения Всеволода на церковь Дмитрия Солунского: «положен бысть в церкви Святого мученика Дмитрия, еже самъ создалъ»⁴. О погребении Всеволода–Гавриила в храме Св. Дмитрия говорится и в житии князя, согласно которому в Троицкий собор его мощи были перенесены в 1192 г.⁵ Однако, согласно хронологической выкладке, содержащейся в статье 1524 г. Псковской первой летописи, церковь Дмитрия Солунского была построена лишь

¹ ПСРЛ. Т.24: Типографская летопись. Пг., 1921. С.150 (л. 212 – 212 об.).

² Синайская псалтырь, 74г.₁₆₋₁₇.

³ Стих XXVIII.199 по Р. О. Якобсону, IX.1₂₄₋₂₅ по А. Ю. Чернову, с общепризнанной конъектурой «с[я]» вместо «с» издания 1800 г.

⁴ Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955. С. 77.

⁵ Житие Всеволода–Гавриила в редакции Григория // Охотникова В. И. Псковская агиография XIV–XVII вв. Т. I: Жития князей Всеволода–Гавриила и Тимофея–Довмонта (исследование и тексты). СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 191.

около 1146 г.¹ Этот комплекс противоречащих друг другу сведений вызвал среди историков древнерусской архитектуры полемику о времени возведения первоначального каменного Троицкого собора. До недавнего времени в литературе господствовала точка зрения, относящая его строительство к концу XII в. Сейчас, однако, исследователи склоняются к более ранней датировке первоначального храма (его облик, несколько искаженный перестройкой XIV в., отразили обмерный чертеж и вид фасада, выполненные в конце XVII в.): Вл. В. Седов, точку зрения которого разделил В. А. Булкин, отнес его к кругу построек Всеволода Мстиславича 1130-х гг. Несколько более позднюю датировку предлагает Н. В. Новосёлов, включающий собор в серию храмов «мирожского» типа, построенных в середине XII в.²

Благовещенское граффито вносит в этот вопрос окончательную ясность, подтверждая достоверность свидетельства Киевской летописи. Теперь не остается никаких сомнений, что Троицкий собор был заложен в новгородское княжение Всеволода Мстиславича, а к 1138 г. был уже завершен.

Во-вторых, в нашем распоряжении оказывается новый аутентичный источник, говорящий о времени кончины Всеволода. Этот вопрос неоднократно обсуждался историками. Напомним последовательность событий, предшествовавших смерти князя. В 1136 г. новгородцы изгнали своего князя Всеволода: 28 мая 1136 г. он был арестован и 15 июля отпущен на юг, где получил от киевского князя Ярополка Владимировича Вышгород. Через год Всеволода пригласили к себе княжить псковичи, и он поехал туда со своим младшим братом Святополком. Новгород разделился на два лагеря: часть сторонников Всеволода перебежали в Псков, а их противники во главе с новым князем — Святославом Ольговичем — предприняли безрезультатную попытку похода против Всеволода. В феврале 1138 г., недолго прокняжив во Пскове, Всеволод умер, а княжить в Пскове стал Святополк Мстиславич³.

¹ Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941. С. 103.

² Подробнее см. [17] с указанием литературы.

³ Об изгнании Всеволода и противоборстве новгородцев с псковичами см. в Новгородской первой летописи под 6644–6645 гг.: Новгородская первая летопись старше-

В Ипатьевской летописи кончина князя датирована 11 февраля, четвергом Масленой недели. Та же информация повторяется во многих других летописях и в житии, но в первой выборке Новгородской Карамзинской летописи и в Новгородской четвертой летописи добавлено, что погребение князя состоялось в воскресенье⁴. Возможно, эта дополнительная информация восходит к киевскому летописанию XII в. и по каким-то причинам оказалась сокращена в Ипатьевской летописи. 11 февраля 1138 г. было пятницей, а не четвергом⁵. Согласно предположению В. Л. Янина, Всеволод умер в ночь с четверга, 10, на пятницу, 11 февраля [26, с. 32]⁶.

В рассматриваемой надписи указана иная дата кончины Всеволода Мстиславича. Та же дата повторяется и в краткой надписи № 2, расположенной неподалеку (ил. 4):

го и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 24–25, 209–210. О длительности княжения Всеволода в Вышгороде и Пскове см. в Лаврентьевской летописи под 6646 г.: ПСРЛ. Л., 1927. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Изд. 2-е. Вып. 2: Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Стб. 304–305 (л. 101 – 101 об.).

⁴ В младшем изводе Новгородской первой летописи сообщается, что Всеволод умер в феврале, а в старшем изводе и в Лаврентьевской летописи вообще отсутствует датировка данного события.

⁵ Подробный разбор проблемы датировки смерти и погребения Всеволода представлен в фундированном генеалогическом исследовании Д. Домбровского [8, с. 106–109]. По мнению польского ученого, старший сын Мстислава умер либо 11 февраля 1137 г. (в четверг предыдущей недели перед Масленицей), либо в четверг, 10 февраля 1138 г., и был погребен через три дня, в воскресенье.

⁶ Аналогичным способом могут объясняться и некоторые другие несостыковки дат смертей в древнерусских источниках. Кончина дочери Владимира Мономаха Марицы в Лаврентьевской летописи датирована воскресеньем, 20 января 6654 г., хотя в 1147 г. этот день приходился на понедельник [1, с. 60–61]. Возможно, Марица умерла в ночь с 19 на 20 января (ее похороны, согласно летописи, состоялись уже в понедельник). Андрей Юрьевич (Боголюбский), согласно Ипатьевской летописи, был убит 28 июня, а Лаврентьевская летопись и надпись в Переславле-Залесском [5] датируют его смерть 29 июня. Вероятно, убийство князя произошло в ночь с 28 на 29 июня 1174 г.

• Ил. 4. Надписи №№ 2, 7, 14, 18, 24

(м̂ц)▲ ее≠
 (врал)[▲] прѣ≠
 (ст)ави[с▲]
 раб[ъ] бж(и)

5 **Гаврило**
въ ·гї· а ми≠
рьскы Вьсе

Надпись № 2 не была дописана, так как ниже ее седьмой строки находится первая строка более ранней надписи № 7.

Вероятно, краткая надпись о смерти Всеволода (№ 2) появилась раньше пространной (№ 1).

Указанный в обеих надписях день кончины Всеволода Мстиславича — 13 февраля 1138 г. — был воскресеньем Маслениной недели, последним днем перед Великим постом. Доверяя надписи № 1, следует считать, что все будние дни первой седмицы Великого поста смерть князя

утаивали от псковичей, а похороны состоялись либо *на седьмой день*, в субботу, 19 февраля, либо *через семь дней*, то есть в воскресенье, 20 февраля, в праздник Торжества Православия. В Древней Руси этот день назывался *Правовойрной неделей*. С последним, заметим, неплохо согласуется определение Всеволода в надписи как *правоверного князя* — в домонгольскую эпоху этот эпитет в летописях применительно к князьям не используется.

Сведения публикуемой надписи пересекаются с летописными в том, что Всеволод умер на Маслениной неделе в феврале 1138 г. Второе пересечение можно усмотреть в информации о захоронении князя в воскресенье, содержащейся в части летописей Новгородско-Софийской группы. Возможно, эта информация верна.

Между тем в летописях не встречается ни сведений о сокрытии факта смерти Всеволода,

ни даты 13 февраля. Где же ошибка — в киевском летописании или в надписи?

В пользу первой версии можно привести два косвенных довода. Во-первых, в Ипатьевской летописи подчеркивается, что изгнание Всеволода, приглашение его псковичами и его смерть случились в один год, что противоречит данным других летописей. Во-вторых, надписи №№ 1–2, несомненно, были выполнены вскоре после смерти Всеволода Мстиславича, то есть во второй половине февраля или в марте 1138 г. (по крайней мере, одна из них).

Откуда же в таком случае могла появиться в летописи ошибочная дата 11 февраля? На этот день приходится память севастиевского мученика Власия, культ которого был чрезвычайно распространен на Руси. По этнографическим данным, празднование св. Власию могло продолжаться три дня [12, с. 346]. Длительное утаивание факта смерти Всеволода и смутные сведения о его кончине во время празднования памяти св. Власия (в действительности — по празднства) могли стать причиной ошибочной летописной датировки. В таком случае четверг мог появиться в летописи при последующем пересчете, при выполнении которого кто-то спутал 1137 и 1138 гг.

Рассмотрим теперь вторую возможность. Допуская, что летописная дата 11 февраля верна, нужно указать причину появления ошибочной даты 13 февраля в рассматриваемых надписях. Если Всеволод умер в ночь с четверга на пятницу 10/11 февраля 1138 г., и был погребен в воскресенье, 13 февраля, то смерть скрывали ровно столько же, сколько в двух других известных нам случаях: после гибели Мстислава Святополчича во время осады Владимира Волынского в 1099 г.¹ и после смерти Святослава Ольговича в 1164 г.² Можно представить себе следующий путь искажения информации. Из-за сокрытия смерти дата погребения, состоявшегося 13 февраля, была принята (теми, кто был не в курсе утаива-

ния) за дату кончины. На этом этапе в Новгороде была сделана первая краткая запись. Составитель пространной надписи, уже знавший о факте утаивания, знал и о том, что погребение произошло в воскресенье, и, чтобы примирить эти сведения между собой и с датой 13 февраля, увеличил срок утаивания с трех дней до семи.

Вторая версия может показаться в большей степени отвечающей здравому смыслу: скрывать смерть князя, умершего в разгар Масленицы, до Прощеного воскресенья, кажется естественным, тогда как сокрытие ее на протяжении всей первой недели Великого поста объяснить намного сложнее. Однако беспрецедентное по продолжительности утаивание вполне могло объясняться политическими причинами — ведь, судя по описанию событий в Новгородской первой летописи, дело происходило, когда Псков готовился дать отпор новгородской рати. Что же касается привязки кончины к Власьеву дню, то она, ввиду сказанного выше о размахе и продолжительности его празднования, сохраняет актуальность и в рамках первой версии. Учитывая это, мы склонны всё же более доверять городищенским граффити, чем Киевской летописи, и считать днем смерти Всеволода Мстиславича названную в них дату — 13 февраля 1138 г.

Присутствие в церкви Благовещения сразу двух надписей, сообщающих о смерти Всеволода-Гавриила, кажется естественным, учитывая, что храм был заложен по случаю рождения этого князя и посвящен Благовещению в связи с выбором его христианского имени (ср. изображение Благовещения на печатях Всеволода). Оборванной на полуслове записи, зафиксировавшей это событие в обычной для поминальных граффити форме — с упоминанием только имени умершего и месячной даты, оказалось недостаточно — на ее основе возник пространный текст с хорошо продуманной композицией, выдержанный в высоких выражениях и использующий библейскую поэтическую образность.

Обращает на себя внимание полное умалчивание пространной надписи о драматических обстоятельствах, предшествовавших смерти Всеволода. Старший сын Мстислава назван благоверным и правоверным князем, а о кончине его в Пскове сказано так, как если бы она случилась во время обычного посещения новгородским князем одного из подвластных ему городов. Текст был явно составлен в кругу новгородских

¹ Ср.: «и на ту ночь оумре . и таиша его .г. дни . и в четвергый днь повѣдаша и на вѣчи» (ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. Изд. 2-е. СПб., 1908. Стб. 247 (л.93 об.)).

² Ср.: «таиша . бо смѣртъ его за .г. дни до ѿлгова приѣзда» (ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. Изд. 2-е. СПб., 1908. Стб. 522 (л. 186 об.)).

- Ил. 5. Надпись № 3 и средняя часть надписи № 29

сторонников Всеволода, его «приятелей», как называет их Новгородская летопись в статье 6645 г.

Тем же почерком, что и пространная надпись о смерти Всеволода, выполнена краткая надпись № 3 на разгранке под полосой городчатого орнамента (ил. 5):

**авгъс(та) пр-ависа
Овдо[к]иа к[и]**

В конце первой строки, несомненно, следует читать слово *прѣставися*. По-видимому, оно было записано с каким-то сокращением, например с выносными буквами.

Слева от надписи № 3 находится сообщение о смерти еще одной женщины (№ 4, ил. 6):

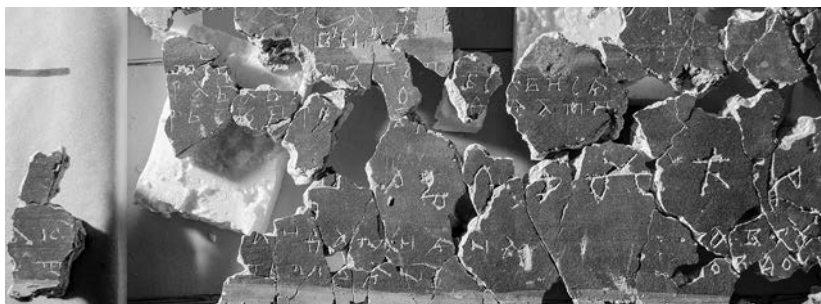
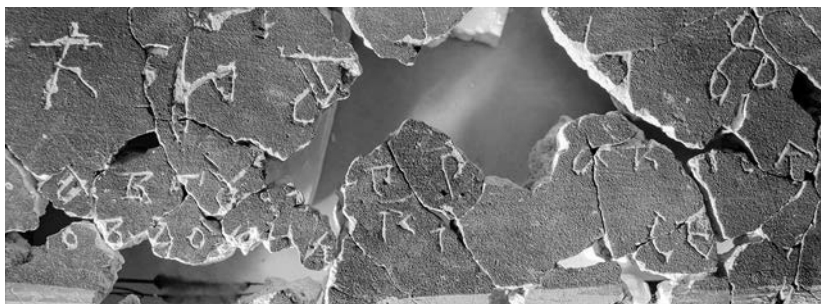
**мѣц(а ма)рѣта п[р]ѣ(т)ависа
раба б[жъ](а) О(га)ѳ(и)а а ми
ръскы Ро-ъ-(---)**

Над концом слова *(ма)рѣта* над строкой приписано: **в[ъ] еѹ днь**. Над словом *б[жъ](а)* могло располагаться титло.

Мирское имя Огафии повреждено. Гипотетически здесь возможна реконструкция какого-то славянского имени на *Роз-*, однако более вероятно чтение *Ро(з)ѳ[н](ѣдь)*. Скандинавское по происхождению женское имя *Рогвнѣдь* было династическим в роду Рюриковичей. Нельзя исключать, что перед нами надпись о смерти одной из младших дочерей Мстислава Великого Рогнеды, упоминаемой в летописи под 1167 г.¹ Впрочем, в граффито могло говориться и о ее тетке, одной из младших дочерей Владимира Мономаха Агафии, выданной в 1116 г. замуж за городенского князя Всеволодка². Летописи не донесли до нас ни крестильного имени Рогнеды Мстиславны, ни мирского имени Агафии

¹ Подробнее о Рогнеде Мстиславне см. [8, с. 162–166].

² ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. Изд. 2-е. СПб., 1908. Стб. 284 (л. 106).

- Ил. 6. Надписи №№ 4 и 23, левые части надписей №№ 3 и 29

Владимировны. Как уже отмечалось, граффито № 3 выполнено тем же почерком, что и надпись 1138 г. (№ 1). Если надписи №№ 3 и 4 относительно синхронны, то их следует датировать приблизительно второй четвертью XII в. В таком случае следует предпочесть кандидатуру Агафии Владимировны³, так как Рогнеда Мстиславна была еще жива в 1167 г.

Возможно, что и в надписи № 3 говорилось о смерти княгини или княжны.

Надписи о кончинах составляют существенную часть комплекса граффити церкви Благовещения. Среди них есть лаконичные, как, например, надпись № 5:

**(м^с)ца иѳла въ ѳ дн(ь)
[п]рѣстависа р[а](бъ)**

³ Агафия родилась около 1103 г., так как должна была достичь брачного возраста к 1116 г. Таким образом, она была ровесницей своего старшего племянника Всеволода Мстиславича. Муж Агафии Всеволодка (который, согласно А. В. Назаренко [16], был сыном Ярослава Ярополчича), князь Городна (совр. Гродно), умер в 1142 г., а в 1144 г. их дочерей выдавал замуж киевский князь Всеволод Ольгович, поэтому считается, что Агафии Владимировны в тот момент уже не было в живых.

• Ил. 7. Надпись № 6

[бжи] Павль

Однако встречаются и более пространственные тексты, содержащие дополнительную информацию об умерших, как, например, надпись № 6 (ил. 7):

...ара въ ·к[ѣ]·
 прѣт(авис)- ра[б]ъ
 бжи (Ла)зорь попъ
 (а) мирьс[к]ы Лазъ[к](о)

Данную надпись следует читать так: «*Мръ-сяца* ----аря въ 26 прѣставися рабъ божий Лазорь попъ, а мирьскы Лазъко» '26 января (или: февраля) преставился раб божий Лазорь, священник, а мирское имя — Лазко'.

Не вполне объяснимы штрихи, видимые перед словом *рабъ*, не похожие на детали буквы *а*, которую следовало бы ожидать на конце слова <прѣставися>.

Надпись ценна для изучения принципов древнерусского имянаречения. Сокращенная, гипокористическая форма имени *Лазорь* — *Лазъко* фигурирует в ней как «мирское» имя. Данное соотношение заставляет вспомнить автографы мастеров новгородских кратиров XII в. Надпись на донце одного из них гласит: † *Гѣ помози ра|боу своему | Ѡгьлорови ·: | Братилю дѣ|лалъ*; на донце другого: † *Гѣ помози | рабъ своему | Костанътинъ | Коста дѣлалъ | амнь* | † [19, с. 23–25, табл. XXVI–XXVII, №№ 16–17]. Этот параллелизм был ранее истолкован [2, с. 80] как свидетельство того, что Коста, копировавший работу Братилы и не имевший, в отличие от своего предшественника, особого мирского имени, заполнил соответствующую позицию в формуляре гипокористикой своего крестильного име-

ни. Между тем, как показывает новонайденное граффито, имя *Коста* вполне могло считаться мирским именем Константина.

На фоне остальных городищенских граффитов надпись № 6 выделяется четкостью и аккуратностью почерка. Ее автор, несомненно, был обучен книжному письму. В этой связи следует обратить внимание на содержание выходной записи писца Мстислава Евангелия, написанного для церкви Благовещения по воле ее ктитора: «*Азъ бо грѣшныи рабъ Алекса написахъ сию еу-*

аѣкѣ · снѣ Лазоревъ · прозвутера»¹. Можно думать, что поп Лазко–Лазорь из надписи № 6 идентичен пресвитеру Лазорю, отцу писца Алексы.

Имя еще одного из первых священников городищенской церкви сообщает надпись № 7, датируемая временем не позже начала 1138 г., так как в нее уперся автор надписи № 2 о смерти Всеволода Мстиславича (см. ил. 4):

перестави^ѣ
 са рабъ бжи
 Курило по^ѣ
 пь мѣца а^ѣ
 5 при(л)[а въ]
 дѣ днѣ · ма^ѣ
 рта

Слова *а|при(л)[а въ]* вымараны автором надписи, приписавшим ниже слово *ма|рта*.

Многие граффиты о кончинах сильно фрагментированы. Такова, в частности, надпись № 8:

(мѣца -----)- (въ) вѣ д[н]ѣ
 (прѣстависа рабъ) [б]жи
 (----- а ми)рьскы
 (...) [ѣ]ди[л](- в)ѣ недѣл^ѣ
 (ю)

Вероятно, умерший носил имя вроде *Несъдила* или *Несъдило*.

К комплексу надписей о смертях примыкает граффито № 9:

мѣца феврал[а] въ кѣ оу бла(...)

Летописные аналогии позволяют предположить, что перед нами начальные буквы слов

¹ Мстиславово Евангелие, 213^a₁₅₋₁₇.

• Ил. 8. Надписи № 12, 28

у благовѣрнаго (и христомлюбиваго) князя. Эти слова фигурируют в пяти сообщениях о рождении и постригах сыновей Всеволода Юрьевича в Лаврентьевской летописи, в статьях 6698–6706 гг. Ср. «Того *ж(е) лѣт(а) родиса оу бл(а)говѣрнаго и хр(и)с(т)олюбиваго княза Всеволода, с(ы)на Гюргева, внука Володимера Мономаха, с(ы)нѣ м(ѣ)с(я)ца октаб(ря) въ 25, на памат(ь) с(вя)т(а)го Маркиана и Мартурья, в канунѣ с(вя)таг(о) Дмитрия. И нареч(е)нѣ быс(ть) в с(вя)тѣмъ кр(ь)щ(е)нѣи Дмитрии»* в статье 6702 г.¹

Цельным комплексом является группа из выполненных несколькими почерками граффити, связанных с документированием покупки вина и ладана:

№ 10: (... м) **в**иа в(...) | (...) [в]ъзто (...) | (...) **ф**ї '19 мая [вино] взято';

№ 11: (и)[**ѣ**]на | [вѣ] · **а**ї · **вино въз[а]** '11 июня вино взято';

№ 12: **и**ѣла [вѣ] **г**ї | [в](и)[но] **въз[ат]**(о) '13 июля вино взято' (ил. 8);

№ 13: [в](ъ не)[д]ѣлю | в(ьсѣхъ) **с**тѣхъ | [в]-**з**[ат](о) [ви]н[о] 'В воскресенье Недели всех святых взято вино' (Неделей всех святых называлась первая неделя по Пятидесятнице).

№ 14: ... **възато ви**(но ... в)[ъ] **понеделъ** '<Дата> ви[но] взято, в понедельник' (см. ил. 4).

№ 15: (вин)о **въз[ат]**(о) ----- **а** [в]ъ · **к**ѣ | (въ въ)торни(|...) '[Вин]о взято 29 <назв. месяца>, во вторник'.

№ 16: (...) [**и**а] (...) | (...) [в]ъ · **ѣ** · **въ** | (за) **т**о **вно** '... мая (?) взято вино'.

№ 17: ... **о**... | ... **твр**(г)ъ **тъмъана** (...) '... [в че] **твр**г ладана'.

№ 18: **авгѣста ви**но · **к**ѣ '26 августа вино' (см. ил. 4).

№ 19: **в[ъ д]** **ноа**(б)ра | **в**(и)но '4 ноября вино'.

Вероятно, к этому же комплексу относятся надписи:

№ 20: (...) **у**-- | (...) [**в**]ъза | (...) **о** '... взято'.

№ 21: **въ соубо** 'в суббо[ту]'.

Еще две надписи данного круга читаются не вполне однозначно:

№ 22: **м**ѣ[ц]а [и]ула (----) | **въза**[т](-)-(---) | **тъм[ъ]**^а[н]- (текст зачеркнут).

№ 23: (...) **ак[ѣ]**(...) **ви** **омиана** | (...) **зт**(...) **тъм[ъ]**анъ (с нестандартной лигатурой *зт*, см. ил. 6).

Замечательно присутствие в последнем граффито сразу двух обозначений ладана — *тъмъанъ* и *фамьянъ*. Первый обычен для древнерусских текстов, реализуя одну из фонетических возможностей передачи греч. *ουμίρα* (ср. фиксируемые словарем И. И. Срезневского варианты на *те-, ти-, ть-, фе- и фи-*²). Вариант *фамьянъ* встретился впервые и явно носит книжный характер. Интересно заметить, что с точки зрения вокализма *тъмъанъ* и *фамьянъ* соотносятся так же, как *Дъмъанъ* и *Дамьянъ* — с той разницей, что во втором случае вариант с *-ами-* является канонической формой имени, передающей

¹ ПСРЛ. Л., 1927. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Изд. 2-е. Вып. 2: Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Стб. 411–412 (л. 139 об.).

² Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. III. СПб., 1903. Стб. 946–947, 959, 1082–1083, 1355.

греч. *Δαμιάνος*, а вариант с *-ъмь-* — его народной формой. Можно думать, что *фамиянь* возник по данной модели путем гиперкорректного оттапливания от не книжного *тьмьянь*.

Фонетический интерес представляет трехкратная запись с *ѣ* словоформы *възято* (надписи № 10–12, 15), отражающая ассимилятивный переход *ѣ* в *ѣ* перед слогом с передней гласной. Ср. аналогичные написания в двух берестяных грамотах второй половины XI в.: *възълъ* 915, *въз[ѣми]* 181. См. о данном явлении в «Древненовгородском диалекте» А. А. Зализняка [11, с. 55].

Важной орфографической особенностью комплекса являются нестандартные сокращения слов путем простого пропуска гласных. Пропущены: а) гласные в названиях дней недели (№№ 14 и 17), б) *я* в слове *възято* (№ 11 и, вероятно, № 22), в) *и* в слове *вино* (№ 16). На уровне формуляра ту же тенденцию к сокращению отражает пропуск слова *възято* в надписях №№ 18–19.

Возможно, в том же ключе следует рассматривать употребление буквы *ѣ* вместо *ѣ* в значении '9' в днях месяцев (№№ 10 и 17). Для единиц и десятков не могло использоваться обычное числовое значение буквы *ѣ* — '500', то есть путаница была невозможна.

Стандартизованные краткие записи о покупке вина и ладана в жертвеннике церкви Благовещения составляют древнейший в русской письменности комплекс церковной учетно-хозяйственной документации. Как по содержанию, так и своими необычными сокращениями эти записи ближайшим образом напоминают блок берестяных грамот писца Якима, происходящий из слоев 1160-х — середины 1190-х гг. усадьбы «Ж» Троицкого раскопа. Полный текст типичной для этого блока грамоты № 995 гласит: *† а се на мслъ :ѣ: кно* 'А вот за масло (древяное) 6 кун'. Судя по содержанию текстов Якима, он был профессиональным писцом и участвовал в управлении хозяйством какого-то монастыря [27, с. 140]¹. Нельзя не отметить, что одним из контрагентов Якима, по-видимому, был священник церкви Благовещения на Городище, упомянутый во фрагментированной грамоте № 992 со словами *[†] а [а у] о попа на [Гр]оди...* 'А у я по па на Городище (?)'.

¹ Подробнее о блоке Якима, включающем в себя 37 берестяных грамот, см. [27, с. 137–141].

Наконец, рассмотренный комплекс дает хорошую иллюстрацию к следующему фрагменту «Вопрошания Кирика», в котором вино также выступает в паре сладаном: «*А за оупокой сице велаше слоужити сорокоустъ: на гривноу патью, а на 6 коунъ одиною, а на 12 коунъ двоичю, или како мога; но все за того ѳдино-го и пѣниж и слоужьба: того вино, темьянь, и свѣщи, [и] проскоуры. <...> А вино свое держи, коупивъ корчагоу, такоже темьянь; а на томъ юмли собѣ*»².

Из надписей, представляющих лингвистический интерес, отметим граффито № 24, которое без разделения на слова читается так (см. ил. 4):

кепилаѣо

м

Хотя текст остался не дописан, его вряд ли можно прочесть иначе как сочетание двух имен: *Кепила*, *Ѵома*(а). Первое однозначно интерпретируется как новгородское соответствие имени *Цѣпила*, отразившегося в названии дер. Цепилино в Костромской области, а также в фамилии Цепилин. Перед нами еще один пример, подтверждающий отсутствие в древненовгородском диалекте рефлекса второй палатализации заднеязычных не только на стыке основы и окончания, но и в корнях. До сих пор это явление было представлено в письменных памятниках лишь двумя примерами на корень *къл-* в берестяных грамотах № 247 (знаменитое *а замъке къле а двѣри къль*) и № 351 (*товарь вохъ къль*) и словом *хѣрь* в грамоте № 130 [9, с. 111–112; 10, с. 195]. Сводку материала псковских говоров, демонстрирующего отсутствие рефлекса второй палатализации в корнях слов, в частности в корне **кѣр-*, см. в работах С. М. Глускиной [6] и А. А. Зализняка [9, с. 113–114].

Своего рода «ребус» образуют находящиеся рядом надписи № 25 и 26 (ил. 9). Первая содержит обведенное округлой рамкой слово **одина**; вторая — заключенную в кружок букву **в**. Разгадка, по-видимому, заключается в том, что граффито № 26 представляет собой кириллическую запись числа 20000, словесное обозначение которого в древнерусском языке — *дѣвъть тьмъ* (2×10000; напомним, что слово *тьма* имело значение '10000'). Соответственно, граффито

² РИБ. Т. 6. Изд. 2-е. СПб., 1908. Стб. 23–24.

гл(а)ше Хѣ Бѣ . градѣте и почръпѣте воду бѣсѣмьртѣа . тѣмь ти припадаемь . и вѣрньо въпиемь . щедроты твоѣа дароуи намь . ты бо еси источникъ животоу нашему»¹. Слова «просяще ... источника приснотекуща» перекликаются со стихирой субботы 5-й седмицы по Пасхе: «Источника приснотекущаго сѣдяща на кладязи видѣвши жена, терпящи зной премногихъ страстей исцѣлительную просяще пріяти воду жизни...» Параллель к словам «воды дѣховныа ... испити» находится в стихире субботы 4-й седмицы по Пасхе: «Текущій источникъ твоея премудрости, воду духовную источаетъ, юже піюще, догматъ бжественныхъ исполняемъ». Слова же «възвеселимъса вси въ нь» отсылают к стиху Псалтири (117: 24), многократно звучащему за пасхальным богослужением: «Сей день, вгоже сотвори Гѣдь, возрадуемъся и возвеселимъся въ онь»².

Характер текста, пронизанного заимствованиями из литургических книг, объясняет отсутствие его в корпусе переводной церковнославянской гимнографии: перед нами не записанный по памяти готовый тропарь литургического канона, но оригинальная поэтическая вариация на темы служб четвертой и пятой недель по Пасхе, отражающая хорошее знание богослужения и исполненная живого религиозного чувства. Об оригинальном характере песнопения говорит и следующее. В кондаке Преполовению, «действие» которого происходит в историческом времени Евангелия, определение *законьныи* относится к иудейскому празднику Кушцей, во время которого Христос учил народ в Иерусалимском храме (Ио. 7: 14, 37). В надписи же речь идет о преполовлении праздника христианской Пятидесятницы. В песнопениях Цветной триоды в подобных контекстах слово *праздъникъ* употребляется без определения, ср., например: «Преполовившуся празднику, жаждущую душу мою блгочестія напои водами...» (неделя 5-я по Пасхе, о самаряныне). С богословской точки зрения определение *законьный* здесь совершенно неуместно. Но оно вполне отвечает духу народного православия, в котором это слово служит определением лю-

бого большого христианского праздника (ср. «Рождество, Масленка, Троица—это законные праздники» [24, с. 176]).

Как образец древнерусской «паралитургической» поэзии граффито не одиноко. Сходную по своей природе композицию, но только основанную на текстах великопостного богослужения, донесла до нас известная надпись № 206 из Мартирьевской паперти Софийского собора [18; 4]. По-видимому, неслучайно, что главными источниками обоих граффити выступают кондаки (для надписи № 206 это кондак Великого покаянного канона Андрея Критского «Душе моя, душе моя, встани, чьто дрымлеши...»). С софийской надписью благовещенскую объединяет и ярко выраженный стихотворный характер: оба текста обнаруживают метрическую регулярность, утраченную в подавляющем большинстве переводных церковнославянских литургических песнопений³.

Около 15 надписей из церкви Благовещения выполнены глаголической азбукой. Одна из таких надписей была найдена еще во второй половине 1960-х гг. во время раскопок М. К. Каргера и гласит: э **ѠѢ** **Ѡ**(...) | **ѡѡѡ**(...) | (...), то есть *о Гѡи п(...)* | *раб(...)* | (...) [14, с. 96–97; 15, с. 84–85, № 21].

Слева, сверху и справа от кириллической надписи № 28 (см. ил. 8) парами и поодиночке разбросаны отдельные буквы: [Ѡ] (т. е. [з]), ѡ (т. е. л), Ѡ ѡ (т. е. Ѡ ѡ), г ѡ (т. е. г ѡ), [э] (...) (т. е. [о] (...)), ѡ ѡ (т. е. ж ж—по-видимому, разными почерками), зѣ (т. е. а), ѡѡ (т. е. м), ѡѡ (т. е. оу). Нижняя часть надписи № 28 не сохранилась. Возможно, под нею располагались еще какие-то глаголические буквы.

Сама надпись № 28 гласит:

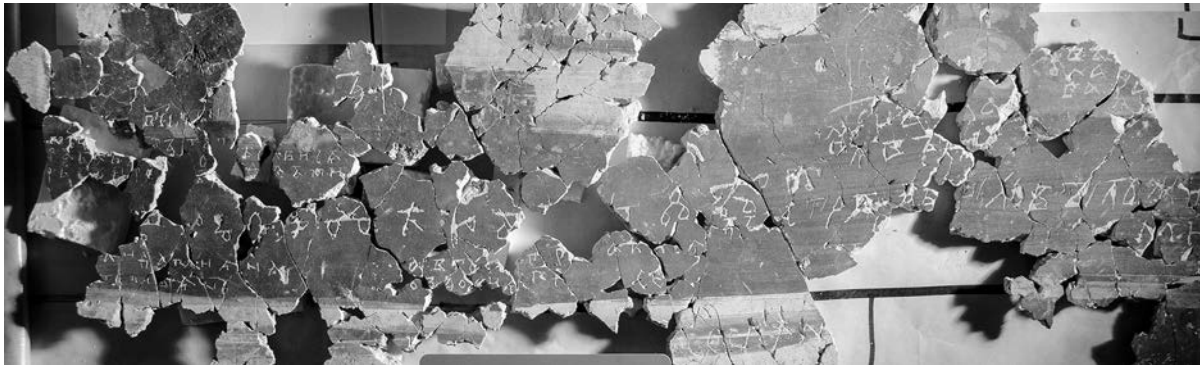
Завид(ъ) водъво
[у]цил[ъ с]--ѡ дѡѡ
[кы] ...

Для лакуны во второй строке наиболее вероятна реконструкция [с](ѡд)ѡ, то есть 'здесь'. Судя по всему, вдовец Завид давал городи-

¹ Цветная триодь. РГАДА. Тип. 138. Л. 104.

² Примеры без указания источника приведены по церковнославянскому подкорпусу Национального корпуса русского языка.

³ В отношении благовещенского граффито этот тезис нуждается в специальном обосновании, которое отложим до отдельной публикации. Предваряя ее, заметим лишь, что первые три строки этого стиха содержат, по позднерусскому счету, по семь слогов.

• Ил. 11. Надписи №№ 3–4, 23, 29, 33

щенским дьяком уроки глаголического письма непосредственно в жертвеннике храма.

Выше, на полосе разгранки под ступенчатым орнаментом, рядом с надписями №№ 3–4, находится выполненная крупными буквами глаголическая азбука № 29 (см. ил. 6; 11–12): (†) Ѡ Ѣ Ѥ Ѧ ѧ Ѩ ѩ Ѫ ѫ Ѭ ѭ Ѯ ѯ Ѱ ѱ Ѳ ѳ Ѵ ѵ Ѷ ѷ Ѹ ѹ Ѻ ѻ Ѽ ѽ Ѿ ѿ, т. е. (а) б в г д е ж з и - - к л м.

Правее приписана еще одна буква ѿ (м) другого палеографического типа, чем в составе азбуки. Знак после ж представляет собой кириллическую (!) букву «гервь» (ср. использование ее глаголического варианта в окружении надписи № 28); это единственная в древней восточнославянской письменности фиксация данной графемы.

Обычный порядок следования букв в начале глаголической азбуки несколько иной: † Ѡ Ѣ Ѥ Ѧ ѧ Ѩ ѩ Ѫ ѫ Ѭ ѭ Ѯ ѯ Ѱ ѱ Ѳ ѳ Ѵ ѵ Ѷ ѷ Ѹ ѹ Ѻ ѻ Ѽ ѽ Ѿ ѿ, то есть между ж и з должно находиться «зело», а не «гервь», а буква «гервь» помещается непосредственно перед ж. Расположение кириллического «гервь» на месте «зело» имеет, по-видимому, фонетическое объяснение. В старославянском «гервь» встречается только в глаголических текстах, где он обозначал мягкое [гʲ], представленное исключительно в грецизмах (ѣона, иѣмонъ и др.). В Новгороде же, где не прошло второе переходное смягчение заднеязычных, эта фонема выступала и в славянской лексике — в тех позициях, где в старославянском звучала аффриката [дзʲ], обозначавшаяся буквой «зело». Таким образом, если у писцов за-

• Ил. 12. Надпись № 33, правые части надписей №№ 3 и 29

падноболгарских (македонских) рукописей XI в. не было никаких оснований для смешения букв «гервь» и «зело», то у осваивающего глаголицу новгородца такое основание имелось. Усвоив от своего учителя, что буква «зело» употребляется для записи слов типа *нось* и *помосу*, он просто подставил на ее место графему, обозначающую согласную, с которой эти слова произносились в его живой речи.

Фиксация кириллической буквы «гервь» в Новгороде XII в. подтверждает предположение А. И. Соболевского [21, с. 131–133], который возводил «гервь» к древнейшей кириллице — вопреки традиционному мнению о его более позднем сербском происхождении. Палеография новгородского «гервь» весьма отлична от древних западнобалканских примеров, поэтому судить о его первоначальном облике пока затруднительно.

Тем же почерком и тем же крупным письмом выполнена одна из двух больших надписей на разгранке выше полосы ступенчатого орнамента (ил. 13). Надпись № 30 является самым пространственным древнерусским глаголическим граффито.

w|гнь, ни обличи мене яростью | си; моли^т
та дѣа чѣтаа, рожшаа | та, Х^се, и мно^ство
а^нглъ и мѣнкъ | зборъ“. ѿ Х^съ Г^съ Г^съ наше^и,
ему же | подобае^т чѣть и слава, w^ию и с^иу | и
с^тму д^ху, всегда і н^ынѣ, при^с, вѣ^и»¹.

Молитва Мономаха основана на литургических источниках и соединяет в себе избранные песнопения, взятые в основном из Постной триоди, как показал Н. В. Шляков [25, с. 64–68].

Молитва Владимира Мономаха

[№ 11] Пощади ма, С^псе, рожьшаса и с^хр^а|нь рожь-
шюу та нетл^нну по рж^твѣ, | и югда садеси судити
дѣла моа, | яко безгрѣшенъ и мл^тивъ, яко Вѣ | и
ч^лвколюбець.

[№ 12] Дѣо прчѣтаа, неи|скусна браку, бѣwбрадо-
ванаа, | вѣрны^и направлень! С^пс ма по|гыбшаго,
к с^иу си вопьющи:

[№ 13] «По|милуи ма, Г^си, помилуи; вгда хо|щеши
судити, не wсуди ме въ w|гнь, ни обличи мене яр-
остью | си; моли^т та дѣа чѣтаа, рожшаа | та, Х^се, и
мно^ство а^нглъ и мѣнкъ | зборъ».

* Несколько более далекая параллель обнаруживается в минеях [23, с. 285].

** Ср. несколько более пространный текст (с добавлением слов «согрешающимъ избавление» перед «спси ма») в Параклитике (РГАДА. Тип. 83. Л. 39 об.). Близкие песнопения с тем же добавлением представлены в минеях [23, с. 285–286].

*** Ср. почти тот же текст в Параклитике (РГАДА. Тип. 83. Л. 40 об.). Песнопение «помилуи мя ... мученикъ зборъ» читается также в «Каноне молебном» Кирилла Туровского [13], а сходные с ним тропари — в минеях [23, с. 284] и в Постной триоди Моисея Киянина [25, с. 115].

Источники фрагментов № 11–12 по нумерации Р. Матьесена [13] до недавнего времени оставались не определены, а фрагмент № 13 был определен самим Р. Матьесеном как заимствование из «Канона молебного» Кирилла Туровского, что, как казалось, делало невозможной атрибуцию молитвы в ее дошедшем до нас виде Влади-

¹ Лаврентьевская летопись, 85а₂₋₁₇.

миру Мономаху. Это препятствие отпало после того, как С. Ю. Темчин [23] привел соответствия для всех трех фрагментов в текстах служебных миней². Поиск более точных параллелей приводит к выводу, что источниками молитвы послужили не минеи, а Октоих, в котором искомые тексты находятся среди песнопений вечерни четверга восьмого гласа и субботней утрени второго гласа:

Источники

Пощади ма С^псе рожеи|са . и с^хранивчи рожь|шюу
та нетл^нну по | рж^твѣ . вгда са^иши су|дити дѣломъ
моимъ . | безакониа презри . и | грѣхы моа яко
безъ|грѣшенъ . яко Вѣ . ми^а|стивъ и ч^лвколюбець.

Октоих (РГБ. Тр. 21. Л. 136 об.)

(8 глас, четверг, вечерня, 9 песнь) *

Дѣвице пречистаа . неискоусна бра|коу . бо-
говъздрадованаа . вѣрны|имъ направление . съпа-
си ма погы|бшааго . съпаци къ сыноу си вѣпи|ющи
· бл^снь Вѣ ·:~

Параклитик (РГАДА. Тип. 80. Л. 143)

(2 глас, суббота, утренья, 7 песнь) **

Помилуи ма Боже помилуи ма · югда | хощеши со-
удити · и не осуди мене въ | огнь · ни яростию си об-
личи мене · мо|литъ та дѣваа чиста · родившиа | та
Хѣ · и мно^жество а^нгелъ · и моуче|никъ съборъ ·:~

Там же. Л. 145 об.

(2 глас, суббота, утренья, 9 песнь) ***

Хотя теоретически Мономах и автор глаголической молитвы, Стырята, могли независимо

² Впрочем, исследователями не было замечено, что для фрагмента № 13 Н. В. Шляковым, в корректурном дополнении к его работе, была приведена параллель из Постной триоди Моисея Киянина [25, с. 115], что заранее лишало смысла сопоставление молитвы Мономаха с текстами Кирилла Туровского.

использовать одни и те же песнопения, сочетание в их текстах фрагментов, которые в Октоихе далеко отстоят друг от друга, делает более вероятным, что две молитвы каким-то образом связаны между собой. Направление зависимости кажется в таком случае очевидным: Стирята должен был быть знаком с молитвой Мономаха. В этом нет ничего удивительного: молитва, составленная Мономахом для своих детей, вполне могла быть известна клирикам церкви Благовещения, заложенной старшим из них. Но не следует сбрасывать со счетов и другую возможность. Согласно гипотезе А.А. Гиппиуса [3, с. 190–194], фрагменты № 11–13 представляют собой добавление к молитве Мономаха, которая первоначально включала только великопостные песнопения. Атрибуция этих фрагментов как заимствований из Октоиха косвенно подтверждает данное предположение. Не мог ли Стирята быть причастен к дополнению молитвы Мономаха, которое, согласно той же гипотезе, было сделано во Владимире при Андрее Боголюбском? Тот факт, что второй раз редчайшее древнерусское имя *Стирята* фигурирует в списке убийц Андрея Юрьевича на стене Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском, заостряет такую постановку вопроса, придавая ей почти детективный характер. Впрочем, не имея возможности подкрепить эту версию дополнительными аргументами, уместно будет оставить вопрос о соотношении двух молитв открытым.

В литературном отношении молитва Мономаха (вкупе с ее дополнением, если считать таковым песнопения, взятые из Октоиха) — текст, совсем не похожий на молитву Стиряты. Первая представляет собой мозаику из литургических песнопений, использованных полностью или с незначительными сокращениями; вторая берет из своих источников лишь отдельные синтагмы, сплавляя их, с добавлением слов «от автора», в новый оригинальный текст, не лишенный литературной изысканности. Обращает на себя внимание частичный синтаксический параллелизм главного и придаточного предложений: оба завершаются атрибутивным сочетанием с препозицией определяемого существительного (*дѣла моя, раба твоего*). С точки зрения метрики эти клаузы можно трактовать как 12- и 14-сложную поэтические строки с цезурой после восьмого и девятого слога. При этом добав-

ленная первая строка примерно соответствует по длине отрезкам второй и третьей строк до цезуры:

О, Господи Исоушь Христе!	9
Егда сядеши соудити дѣла моя,	8 4
не осуди мя грѣшнаго раба твоего!	9 5

В распределении кириллицы и глаголицы в церкви Благовещения видна закономерность, отражающая, вероятно, соотношение на Руси двух славянских азбук. Основным алфавитом, которым писались книги и грамоты и делались надписи любого содержания, была кириллица. Глаголица, обучение которой носило ограниченный характер, была письмом для посвященных, применялась, когда писавшему хотелось продемонстрировать само владение ею. Отдельные буквы, азбука, молитва, именной автограф, а иногда и шутка; в пергаменных книгах — маргиналии писцов, инициалы, выносные знаки — таким предстает основной репертуар древнерусских глаголических текстов. Если же текст предназначался для общего прочтения, носил официальный или деловой характер, то использовалась кириллица.

Список использованной литературы

1. Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 376 с.
2. Гиппиус А.А. О происхождении новгородских кратиров и иконы «Богоматерь Знамение» // Новгородский исторический сборник. Вып. 9 (19) / отв. ред. В.Л. Янин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 77–93.
3. Гиппиус А.А. Сочинения Владимира Мономаха: опыт текстологической реконструкции. III // Русский язык в научном освещении. 2006. № 2 (12). С. 186–203.
4. Гиппиус А.А. «Зло видучи, а добра не видучи»: поэтика и грамматика древнейшего русского покаянного стиха // Russian Linguistics. 2017. Vol. 41, no. 3. P. 261–282.
5. Гиппиус А.А., Михеев С.М. Надпись об убийстве Андрея Боголюбского из Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2017. 3 (69). С. 31–32.
6. Глускина С.М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров) // Псковские говоры. II. Труды Второй Псковской диалектологической конференции 1964 года / ред. Б.Л. Богородский [и др.]. Псков: Псковский гос. пед. ин-т, 1968. С. 20–43.

7. Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. М.: Высшая школа, 1981. 360 с.
8. Домбровский Д. Генеалогия Мстиславичей: Первые поколения (до начала XVI в.). Изд. испр. и доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 880 с.
9. Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам. (Из раскопок 1951–1983 гг.). М.: Наука, 1986. С. 89–219.
10. Зализняк А. А. К изучению языка берестяных грамот // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1984–1989 гг.). М.: Наука, 1993. С. 191–321.
11. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.
12. Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1903. 529 с.
13. Матьесен Р. Текстологические замечания о произведениях Владимира Мономаха // Труды Отдела древнерусской литературы. XXVI. Древнерусская литература и русская культура XVIII–XX вв. Л.: Изд-во АН СССР, 1971. С. 192–201.
14. Михеев С. М. Заметки о надписях-граффити новгородского Софийского собора. Часть I // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2010. № 2 (40). С. 91–102.
15. Михеев С. М. 22 древнерусских глаголических надписи-граффити XI–XII веков из Новгорода // Slovo. 2012. 62. S. 63–99.
16. Назаренко А. В. Городенское княжество и городенские князья в XII веке // Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. С. 124–161.
17. Новосёлов Н. В. Храмы мирожского типа и Троицкий собор XII в. в Пскове // Археология и история Пскова и Псковской земли: Семинар памяти академика В. В. Седова. Вып. 29. Материалы 59-го заседания (9–11 апреля 2013 г.) / отв. ред. Н. В. Лопатин. М.; Псков; СПб.: Нестор-История, 2014. С. 95–104.
18. Рождественская Т. В. Об одной древнерусской надписи XIII в. из Софийского собора в Новгороде // Русь и южные славяне: Сборник статей к 100-летию со дня рождения В. А. Мошина (1894–1987) / сост., отв. ред. В. М. Загребин. СПб.: Алетейя, 1998. С. 234–239.
19. Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI–XIV веков. М.: Наука, 1964. 48 с., 50 табл. (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. Е 1–44).
20. Сичинава Д. В. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М.: АСТ-пресс, 2013. 384 с.
21. Соболевский А. И. К истории древнейшей церковнославянской письменности // Русский филологический вестник. Варшава, 1902. Т. XLVIII. С. 109–133.
22. Страхов А. Б. «Беседа трех святителей» в славянских записях и маргиналиях // Palaeoslavica. 1998. VI. P. 286–290.
23. Темчин С. Ю. «Молитва» Владимира Мономаха: гимнографические источники и датировка // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: Проблемы политогенеза: XXIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто, Москва, 19–21 апреля 2011 г.: материалы конференции / ред. Е. А. Мельникова. М.: Ин-т всеобщей истории, 2011. С. 282–286.
24. Черных А. В. Русский народный календарь в Прикамье. Ч. III. Словарь хоронимов. Пермь: Пушка, 2009. 280 с.
25. Шляков Н. В. О Поучении Владимира Мономаха. СПб.: Тип. В. С. Балашева и К^о, 1900. [4], II, 116 с. (Отд. оттиск из «Журнала Министерства Народного Просвещения»).
26. Янин В. Л. Новгород и Литва: Пограничные ситуации XIII–XV веков. М.: Изд-во Московского ун-та, 1998. 216 с.
27. Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте. Т. XII: (Из раскопок 2001–2014 гг.). М.: Языки славянской культуры, 2015. 288 с.

A. A. Gippius, S. M. Mikheev. Graffiti from the Annunciation Church at Gorodische. Preliminary review

Abstract: The paper offers the first publication of 33 graffiti inscriptions from the excavations of the 1103 Annunciation Church at Gorodische. This complex includes a large 1138 inscription about the death of prince Vsevolod Mstislavich, confirming the early construction date of the Pskov Trinity Cathedral, where he was buried; the records of the deaths of princesses and local priests; wine and incense purchase records for church needs; a one-of-a-kind hymn dedicated to the feast of Mid-Pentecost; a Glagolitic alphabet with a Cyrillic letter *h* – “djerv”, confirming the early origins of this letter; and a Glagolitic prayer, textually linked with the prayer at the very end of Vladimir Monomakh’s *Instruction*.

Keywords: epigraphy, graffiti, Novgorod, Gorodische, Annunciation Church, 12th century, Vsevolod–Gabriel Mstislavich, Vladimir Monomakh, Cyrillic, Glagolitsa.

Gippius Alexey Alexeevich, corresponding member of the RAS, doctor of Philology, Institute of Slavic Studies of the RAS,

chief research fellow. 32A Leninsky prospect, 119334 Moscow, Russia. E-mail: agippius@mail.ru

Mikheev Savva Mikhailovich, candidate of history, Institute of Slavic Studies of the RAS, senior research fellow. 32A Leninsky prospect, 119334 Moscow, Russia. E-mail: mikheev@gmail.com

References

1. Berezhkov N. G. *Khronologiiia russkogo letopisaniia*. Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR Publ., 1963, 376 p.
2. Gippius A. A. O proiskhozhdenii novgorodskikh kratirov i ikony «Bogomater' Znamenie». *Novgorodskii istoricheskii sbornik*, i. 9 (19), Saint-Petersburg, 2003, pp. 77–93.
3. Gippius A. A. 2006. Sochineniia Vladimira Monomakha: opyt tekstologicheskoi rekonstruktsii. III. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, no 2 (12), pp. 186–203.
4. Gippius A. A. 2017. «Zlo viduchi, a dobra ne viduchi»: poetika i grammatika drevneishego russkogo pokaiannogo stikha. *Russian Linguistics*, vol. 41, no 3, pp. 261–282.
5. Gippius A. A., Mikheev S. M. 2017. Nadpis' ob ubiistve Andreia Bogoliubskogo iz Spaso-Preobrazhenskogo sobora v Pereslavle-Zalesskom. *Drevniaia Rus': Voprosy medievistiki*, no 3 (69), pp. 31–32.
6. Gluskina S. M. O vtoroi palatalizatsii zadneiazychnykh soglasnykh v russkom iazyke na materiale severo-zapadnykh govorov. *Pskovskie govory. II*, Pskov, 1968, pp. 20–43.
7. Gorshkova K. V., Khaburgaev G. A. *Istoricheskaiia grammatika russkogo iazyka*. Moscow, Vysshaia shkola Publ., 1981, 360 p.
8. Dombrovskii D. *Genealogiia Mstislavichei. Pervye pokoleniia (do nachala XVI v.)*. Saint-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2015, 880 p.
9. Zalizniak A. A.; Ianin V. L. Novgorodskie berestiane gramoty s lingvisticheskoi tochki zreniia. *Novgorodskie gramoty na bereste*, [vol. 8]: (Iz raskopok 1977–1983 gg.). Kommentarii i slovoukazatel' k berestianym gramotam (iz raskopok 1951–1983 gg.), Moscow, 1986, pp. 89–219.
10. Zalizniak A. A.; Ianin V. L. K izucheniiu iazyka berestianykh gramot. *Novgorodskie gramoty na bereste*, [vol. 9]: (Iz raskopok 1984–1989 gg.), Moscow, 1993, pp. 191–321.
11. Zalizniak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt*, 2nd ed. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004, 872 p.
12. Maksimov S. V. *Nechistaia, nevedomaia i krestnaia sila*. Saint-Petersburg, Tovarishchestvo R. Golike i A. Vil'borg Publ., 1903, 529 p.
13. Mat'esen R. Tekstologicheskie zamechaniia o proizvedeniakh Vladimira Monomakha. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, vol. 26: Drevnerusskaia literatura i rusaskaia kul'tura XVIII–XX vv., Leningrad, Nauka Publ., 1971, pp. 192–201.
14. Mikheev S. M. 2010. Zametki o nadpisiakh-graffiti novgorodskogo Sofiiskogo sobora. *Drevniaia Rus': Voprosy medievistiki*, no 2 (40), pp. 91–102.
15. Mikheev S. M. 2012. 22 drevnerusskikh glagolicheskikh nadpisi-graffiti XI–XII vekov iz Novgoroda. *Slovo*, no 62, s. 63–99.
16. Nazarenko A. V. Gorodenskoe kniazhestvo i gorodenskie kniaz'ia v XII veke. *Drevniaia Rus' i slaviane (istoriko-filologicheskie issledovaniia)*, Moscow, 2009, pp. 124–161.
17. Novoselov N. V. Khramy mirozhskogo tipa i Troitskii sobor XII v. v Pskove. *Arkheologiiia i istoriia Pskova i Pskovskoi zemli. Seminar pamiati akademika V. V. Sedova*, i. 29: Materialy 59-go zasedaniia (9–11 apreliia 2013 g.), Moscow; Pskov; Saint-Petersburg, 2014, pp. 95–104.
18. Rozhdestvenskaia T. V. Ob odnoi drevnerusskoi nadpisi XIII v. iz Sofiiskogo sobora v Novgorode. *Rus' i iuzhnye slaviane*, Saint-Petersburg, 1998, pp. 234–239.
19. Rybakov B. A. *Russkie datirovannye nadpisi XI–XIV vekov*. Moscow, Izd-vo «Nauka» Publ., 1964, 48 p.
20. Sichinava D. V. *Tipologiiia pliuskvamperfekta. Slavianskii pliuskvamperfekt*. Moscow, AST-PRESS Publ., 2013, 384 p.
21. Sobolevskii A. I. 1902. K istorii drevneishei tserkovnoslavianskoi pis'mennosti. *Russkii filologicheskii vestnik*, vol. 48, pp. 109–133.
22. Strakhov A. B. 1998. «Beseda trekh sviatitelei» v slavianskikh zapisiakh i marginaliakh. *Palaeoslavica*, vol. 6, pp. 286–290.
23. Temchin S. Iu. «Molitva» Vladimira Monomakha: gimnograficheskie istochniki i datirovka. *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Rannie gosudarstva Evropy i Azii. Problemy politogeneza*, Moscow, 2011, pp. 282–286.
24. Chernykh A. V. *Russkii narodnyi kalendar' v Prikam'e*, vol. 3: Slovar' khronimov. Perm, Izd-vo «Pushka» Publ., 2009, 280 p.
25. Shliakov N. V. O Pouchenii Vladimira Monomakha. Saint-Petersburg, 1900.
26. Ianin V. L. *Novgorod i Litva. Pogranichnye situatsii XIII–XV vekov*. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta Publ., 1998, 216 p.
27. Ianin V. L., Zalizniak A. A., Gippius A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste*, vol. 12: (Iz raskopok 2001–2014 gg.), Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2015, 288 p.